Тихомолов Борис

Отрывок из книги " Небо в огне"

Я зашел в штаб полистать свою летную книжку: все ли полеты записаны.

Июнь. Июль. Август… Начало сентября. Книжка жжет руки. Каждая строка в ней — драма, трагедия, ужас. Каждая буква написана кровью. Тоскливо сжимается сердце: мы бьем врага, но враг-то… в нашем доме!

"Харьковский аэродром". "Курск, станция товарная". "Брянск, вокзал товарный". "Ржевская группировка". "Аэродром Балбасово". "Танки под Воронежем"…

Наши бомбы рвут родную землю! До чего ж обидно!

Мы опять лежим под крылом самолета все на том же полевом аэродроме, и трава по-прежнему высокая и густая, но теперь она звенит сухим осенним звоном. На лугу все те же кони с мочальными хвостами, все те же копны сена. Ни дать ни взять колхозное поле с сенокосными угодьями.

Все правильно, по уставу, но деревянных коней я убрал бы. Именно они своей неподвижностью и могут при влечь внимание немецких летчиков-разведчиков. А немцы "ас ищут. Они обескуражены. Такая дерзость — бомбить Берлин как раз в то время, когда министр пропаганды Геббельс раззвонил по всему свету, что у русских почти нет самолетов, бомб не хватает, летчиков нет, бензина нет! Русские задыхаются, русским конец. Арийцы, держитесь! Еще немного. Еще совсем-совсем немного! Уже победа близка. Хайль!

А самолеты летят, летят, как из прорвы. Сыплются бомбы. Сотнями тонн рвутся в глубоком немецком тылу — в Восточной Пруссии, в Центральной Германии! И советский радиодиктор Юрий Левитан, которого Гитлер посулил повесить, как только немецкий сапог ступит в Москву, торжественно вещает всему миру: "Большая группа наших самолетов бомбардировала военно-промышленные объекты Берлина, Кенигсберга, Данцига, Штеттина…"

Мы, летчики, все экипажи, все, кто в данный момент находились в части, собирались возле репродуктора и слушали в строгом молчании. Да, это о нас, о нашей работе, о наших делах. Мы понимали: сейчас это сообщение Совинформбюро слушает вся страна. Слушают женщины-работницы, недавние домохозяйки, с потемневшими от (Металла пальцами и почти такими же от недоедания и недосыпания лицами, заменившие у станков мужей, готовящие оружие и боеприпасы для фронта. Колхозницы, одни в обезлюдевших деревнях кормящие армию и город, сами впрягающиеся в плуги, чтобы пахать землю, потому что лошадей почти не стало. Они слушали эту сводку, и на душе у них становилось легче: значит, не только фашисты бомбят наших, но наши им тоже дают… И пехотинцам, артиллеристам, саперам — всем родам наземных войск, испытавшим на себе удары "юнкерсов" и "мессершмиттов", им тоже становилось веселее, и

крепла вера в нашу конечную победу. Да и у самих летчиков АДД — авиации дальнего действия распрямлялись плечи: нет, ничто не проходит бесследно, и наши жертвы тоже. Пусть не спят по ночам и трясутся от страха немецкие бюргеры. Пусть их гансы и фрицы на передовой получают из дома тревожные вести. Пусть! Мы будем еще сильнее бомбить их заводы, мосты, железнодорожные эшелоны, сеять панику в их тылу. Мы знали: бомбовые налеты нашей авиации на глубокие тылы противника производили на врагов подавляющее впечатление. Авиации у русских нет, а бомбы сыплются — и с бомбами листовки.

"И откуда они летают? — гадали фашисты. — Из-под Москвы — далеко, не хватит горючего. Может быть, из какой-нибудь нейтральной страны?"

Сегодня у нас третий налет на фашистское логово. Позади опыт: Кенигсберг, Данциг, Берлин, Будапешт. Мысленно ворошу в памяти предыдущие рейды. Может быть, что сделано не так? Нет, все как будто правильно. Найденный нами способ экономии горючего оправдал себя с лихвой. Мы возвращаемся на свой аэродром с таким остатком горючего в баках, что его хватило бы еще часа на два.

И только тут мне стало понятно мое беспокойство, моя тревога:то над лесом гудел самолет, не наш, фашистский. Прислушался. "Рама"! Да вот и он сам. Кружится, ищет. Значит, нащупал. Если найдет — беда! Вызовет по радио пикировщиков, и наломают они нам дров! Самолетов полно. Стоят тесно — крылом к крылу. У каждого бензин под завязку, бомбы. Стоит только задеть любой, и отойдут рваться один за другим…

— Ты что насторожился? — опросил Евсеев. — На "раму", что ли? Ерунда! Они давно тут летают. И прошлые разы ходили, помнишь?

— Да? Ты думаешь? А помнишь, как они ходили прошлые разы? Спокойно, равно. А сейчас… Видишь, видишь! — разворачивается. Рыскает, как собака по следу.

— Лупануть бы его, гада, — оказал Китнюк, недовольно морща курносый нос. Низко ходит, враз можно сбить.

- К самолету! — скомандовал я. — Быстро! Мы ринулись сквозь терновник. Затрещали кусты, полетели клочья шерсти от унтов.
— Скорей!!

Бежавший впереди меня Евсеев налетел на кого-то, споткнулся и, смешно взбрыкнув унтами, с ходу сунулся головой в малинник.

— Кто тут, кто тут? Фу ты, ч-черт, напугал! Передо мной выросла высокая фигура летчика из третьей эскадрильи по фамилии Каланча:

— Что вы, ошалели? Куда вас черт несет? У меня запалилось горло от бега. Не останавливаясь, я прохрипел:

— Запускать моторы. Нас обнаружил разведчик. Стрелять нельзя, — возразил Заяц. — Демаскируешь аэродром.

Вот и старт. Из-за кустов с флажками в руке выбегает дежурный по полетам. Высокий, стройный. Вглядываюсь — наш командир Щербаков. Лицо его — сплошное недоумение. Подчеркнутым движением он задирает рукав гимнастерки и тычет пальцем в часы, затем красноречивым жестом крутит этим же пальцем у своего виска.

Было понятно без слов: "До взлета осталось восемнадцать минут, куда тебя черти несут, сумасшедшего?"

Я приподнялся на сиденье. Пикировщики уже были хорошо видны. Злые осиные силуэты с раскоряченными шасси. Сомнений нет — "Ю-87".

Взлететь раньше времени на восемнадцать минут — это значит очутиться засветло над территорией, занятой врагом! Хорошего мало! Но нас спасают грозовые облака.

Я поставил машину в набор высоты. Вглядываюсь вперед. Сегодня над целью необычная тишина. Ни прожекторов, ни разрывов снарядов. Оно и понятно: самолеты еще не пришли, и мы будем первыми. И наш доклад Верховному Главнокомандующему будет первым. Радист нажмет на ключ, подаст в эфир позывные нашего экипажа: "Москва, Кремль… Задание выполнено!"

Уже ощущается близость большого города. Если приглядеться, можно различить переплетения шоссейных и железных дорог, каменные глыбы городишек. Дороги все гуще, гуще, и городишки все чаще и чаще. И вот он — Берлин! От непривычной тишины становится как-то не по себе. Почему не стреляют?
— О-ох! — стонет штурман и торопливо снимает парашют.
— Черт возьми, приспичило! — бешено кричу я, — Ты что — с ума сошел?

Цель почти под нами…

— О-ох, не могу, — нет никакого терпения…

Ну, что ты с ним поделаешь! Открываю обе форточки в своем фонаре и, ловя лицом холодные струи забортного воздуха, замираю:

— Ладно уж!

Мы над окраиной города. Не стреляют. Тихо, темно.

— Бросаю! — кричит штурман. Я вздрагиваю от неожиданности.

— Что бросаешь?! Люки-то не открыты!

— Сюрприз!.. Обвязал проволокой.

— Тьфу ты, черт тебя подери!..

В наушниках смех стрелка и радиста.

— Товарищ командир, готовлю листовки!

— Правильно, Китнюк, молодец!

Потянуло сквозняком. Штурман открыл бомболюки. Под нами мелькает округлая тень. Что это? Ах да, я и забыл: аэростаты воздушного заграждения!

Город, как паук в паучьей сети. Притаился, замер. Мы почти над самым центром. Не стреляют. Наверное, принимают за своих. Штурман нажимает на кнопку:

— Залп!

В тот же миг мне в лицо брызжет ослепительным светом. Я прячусь за борт, тщетно — мы в лучах прожекторов. Слепит глаза. Я едва различаю приборы. Рядом лопается снаряд. Другой, третий! И вот уже вокруг нас беснуется огонь…

Боль, звук, свет, острое беспокойство, сойдясь в кошмарном сплетении, сдавили меня, словно тисками. Яркая вспышка в тысячу солнц и… темнота.

Обеими руками, почти не прилагая усилий, я легко оттолкнулся от приборной доски и повис на ремнях в невесомости. И тут я понял: мы падаем! И страх ворвался. Он пронзил меня с головы до пят: "Давно ли мы падаем?! Какая высота?!"